

ВЛИЯНИЕ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (РУССКО-СЛОВАЦКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Корина (Нитра)

Абстракт:

В статье рассматривается влияние фактора географического детерминизма (ландшафт среды обитания) на формирование этноязыкового сознания русских и словаков на материале народной фразеологии и паремиологии как зеркала национальной ментальности.

Ключевые слова: географический детерминизм, языковая картина мира, когнитивная доминанта, русский язык, словацкий язык.

The Geomorphologic Factors' Effect on the Forming of Linguistic Worldview (Russian-Slovak aspect)

Abstract:

This article runs about influence of geographical determinism factor (natural landscape) on the establishing of Russian and Slovak language conscience and its specific space models. The research is based on folk phraseology that reflects national mentality.

Key words: geographical determinism, linguistic worldview, cognitive dominant, Russian, Slovak.

На современном этапе развития филологических наук ни у кого не вызывает сомнения факт, что язык является ключом к культуре и содержит все её национально-специфичные особенности, которые проявляются на разных уровнях и в различных аспектах, выходящих далеко за рамки «чистой» лингвистики. Языковая картина мира, собственно, и есть преломление культуры в языке, понимаемой в широком смысле – не только как комплекс созданных народом материальных и духовных ценностей, но и как сфера реализации национальной ментальности, особенностей мировосприятия народа в целом.

На формирование языковой картины мира оказывает влияние целый комплекс факторов. Как показали наши предыдущие исследования [Алефиренко, Корина, 2011; Киселёва, 2008; Киселёва, 2009 и др.], одно из центральных мест среди них занимает фактор географического детерминизма –

влияние ландшафта **естественной** среды обитания данного народа на формирование его представлений об окружающем мире и, как следствие, его национальной языковой картины мира (ЯКМ).

Вся окружающая человека действительность определённым образом пространственно ориентирована в его сознании, однако непосредственное влияние на приоритетность тех или иных пространственных моделей оказывает именно конфигурация ландшафта, что находит своё отражение в языке.

Совершенно очевидным является факт, что у всех народов мира присутствуют как вертикальные, так и горизонтальные модели организации пространства. Тем не менее, их соотношение и продуктивность неодинаковы и зависят от целого комплекса факторов. Пространственные модели, исходящие из физического опыта человека, становятся основой для аналогичного построения нематериальных схем на основе культурного опыта – абстрактных моделей социальной иерархии, системы духовных ценностей и т. д., образуя многослойную и многоаспектную структуру со своей национальной спецификой. Часто такие структуры основываются на метафорах. В знаменитом исследовании «Метафоры, которыми мы живём» [Metaphors We Live By, 1980, русский перевод 2008] авторы Лакофф и Джонсон подчёркивают: «...метафорические ориентации не произвольны. Они основаны на нашем физическом и культурном опыте. Хотя полярные противопоставления „верх – низ“, „внутри – снаружи“ и т. п. по сути являются физическими, основанные на них ориентационные метафоры различаются от культуры к культуре. Например, в некоторых культурах будущее находится как бы впереди нас, в других оно – за нами» [Лакофф – Джонсон, 2008: 35]. Эти наблюдения нашли своё подтверждение в позднейших исследованиях, посвящённых другим языкам [см., в частн., Алефиренко, 2008; Olchowa, 2008].

Чтобы определить степень влияния фактора географического детерминизма на формирование национальной ментальности (и, как следствие, языковой картины мира), мы выбрали в качестве объекта изучения родственные славянские языки – русский и словацкий, которые, несмотря на генетическую близость, исторически развивались в разных географических условиях (исследования проводятся в рамках грантового проекта VEGA 1/0376/12 Kognitívne dominanty v jazyku a kultúre). Словацкий народ формировался в горных районах без выхода к морю, русский – на бескрайних равнинах, что обусловило доминантность вертикальных пространственных моделей в словацкой ментальности и горизонтальных – в русской [подробнее см.: Алефиренко, Корина, 2011]. И хотя идея географического детерминизма сама по себе не нова [Ключевский, 2001; Бердяев, 1990; СМК: 82–83 и др.], но до сих пор она высказывалась, как правило, историками и философами и в основном в виде общих рассуждений, не подкреплённых конкретным языковым материалом [Бердяев, 1990; Гумилёв, 1991 и др.]. В наших

работах мы постарались конкретизировать данную идею и указали на ряд языковых фактов, подтверждающих обусловленность формирования национальной языковой картины мира определённого народа геоморфологической структурой среды его обитания [см.: Киселёва, 2008; Киселёва, 2009; Алефиренко, Корина, 2011 и др.].

Когнитивные структуры (концепты, обыденные понятия и т. д.), **преобладающие** в национальном мировосприятии того или иного народа, для целей нашего исследования мы назвали *когнитивными доминантами*. Наши наблюдения показали, что языковые картины мира русского и словацкого языков имеют свои устойчивые когнитивные доминанты, которые различаются по пространственной ориентации и могут образовывать географически детерминированные когнитивные оппозиции: широта – высота, открытость – закрытость, пространственная ограниченность – пространственная неограниченность, абстрактность – конкретность. Эти национально-специфичные когнитивные доминанты проявляются во всей ткани национального языка, на всех его уровнях [см.: Алефиренко, Корина 2011]. Здесь мы рассмотрим две ключевые географически детерминированные когнитивные доминанты, которые присутствуют в преобладающих пространственных моделях национальных ЯКМ – *verh*, *vysoky*, *hora*, а также от глагола *stúpat'* (подниматься) и *širь*, *širota*, *prostora* в русском. С языковой точки зрения они отражены прежде всего в т. н. пространственных метафорах (термин Дж. Лаккоффа), проявляющихся в лексике и фразеологии (паремиологии) и связанных с особенностями словоупотребления и лексико-синтаксической сочетаемости.

Применительно к русской ментальности понятие широты связывается прежде всего с душой, с широтой русской природы, является выражением безграничности, бесконечности и в национальной системе ценностей имеет преимущественно положительную оценку. Именно в таком ракурсе связывал его с географией России Н. А. Бердяев, которого мы позволим себе подробно процитировать: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремлённость в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихий и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. У народов Западной Европы всё гораздо более детерминировано и оформлено, всё разделено на категории и конечно. Не так у рус-

ского народа, как менее детерминированного, как более обращённого к бесконечности и не желающего знать распределения по категориям» [Бердяев, 1990, www.koob.ru].

О широте как русской души, так и русского характера в научной литературе, в том числе лингвистической, писалось неоднократно – как образно отметил в своё время Н. А. Бердяев, «русская душа ушиблена ширью», а потому и оценка этой широты имеет огромный спектр от ярко положительной до практически отрицательной, хотя преобладает положительная [Бердяев, 1990; Шмелёв, 2005; Семёнова, 2009; Буянова, 2005; СМК, 2010 и др.]. Примеров тому множество, и здесь мы не будем их рассматривать. Отметим только, что само понятие широты в русской ментальности синонимично безграничности, бесконечности и сложно поддаётся выражению средствами того языка, чья ментальность тяготеет к детерминированности.

Именно таким языком является словацкий, в котором на первое место выступают вертикальные пространственные модели. Проиллюстрируем их краткой выборкой из словацкой народной фразеологии (в широком понимании, включая паремиологию) по материалам словаря К. Габовштяковой и Э. Крошляковой «Человек и природа во фразеологии» (1996), приведя для сравнения русские эквиваленты по словарю В. И. Зиминой «Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь» (2006). Приведённые русские эквиваленты подобраны по принципу максимального семантического соответствия, хотя, конечно же, являются не единственными возможными. Звёздочкой отмечены частичные семантические соответствия.

Таб. 1. Вертикальность в словацкой фразеологии.

Словацкая ФЕ (паремия)	Буквальный перевод словацкой ФЕ (паремии)	Русский эквивалент (частичные эквиваленты отмечены звёздочкой)
Je zdravý ako dub/orech/ /buk.	«Здоров как дуб/орех/бук».	Здоров как бык.
Chlap ako hora/topoľ.	«Мужик как гора/ель/тополь».	Косая сажень в плечах*.
Dobrý strom dobré ovocie nesie/rodí.	«Хорошее дерево приносит/рождает хорошие плоды».	Каков род, таков приплод* (нет эквивалента с такой же оценочностью!)
Zlý strom zlé ovocie rodí.	«Плохое дерево рождает плохие плоды».	От худой курицы – худые яйца.
Dobrá hrušku najviac trasú.	«Хорошую грушу больше всех трясут».	Кто везёт, того и погонают.

Červivé ovocie zo stromu odpadá.	«Червивые плоды с дерева опадут».	Паршивую овцу из стада вон*.
Múdry berie horu a sprostého hora.	«Умный берёт гору, а дурака берёт гора».	Умный находит там, где глупый теряет*.
Kde ho postavíš, tam ho nájdeš.	Где его утром поставили, там его вечером найдут».	Где его положишь, там и лежать будет.
Kmotor-nekmotor, z hrušky dolu.	«Кум, не кум, а с груши слазь».	Дружба дружбой, а табачок врозь.
Žiť na vysokej nohe.	«Жить на высокой ноге».	Жить на широкую ногу.
Vysoko rúbe.	«Высоко рубит».	Широко размахнуться.
Sadať na vysokého koňa.	«Садиться на высокого коня».	Со свинным рылом да в калашный ряд.
Rastie ako drevo v hore.	«Растёт как деревья в лесу».	Растёт как трава в поле.
Dostal sa z koňa na somára.	«Пересел с коня на осла».	Добыли, что и ножки съезжили*.
Brázda hlboká, slama vysoká.	«Борозда глубокая – солома высокая».	Не потрудиться, так и хлебу не уродиться.
Na prvý úder sa strom nezvalí.	«С первого удара дерево не упадёт».	Что скоро, то не споро*.
Pusť cigána pod pec, vyjde tí na pec.	«Пусти цыгана под печь, залезет на печь».	Пусти чёрта в хату, а он и за стол норовит.
Cigáni/klame, až sa hory zelenajú.	«Врёт, аж горы зеленеют».	Так врёт, что с души прёт / уши вянут / слушать тошно.
Trusí reči ako koza bobky.	«Сыплет слова, как коза помёт».	Вертит языком, как корова хвостом.
Aj do studne by zaňho skočila.	«Даже в колодец бы за него прыгнула».	Пойти за ним/ней хоть на край света.
Žena bez muža ako záhrada bez plotu.	«Жена без мужа/женщина без мужчины как сад без ограды».	Без женщины мужчина – что вода без плотины*.
Keď sa na stĺp šaty povešajú, aj ten je pekný.	«Если на столб одежду повесить, даже он станет красивым».	В уборе и пень хорош*.
Nejde mu to dolu hrdlom/ /gágorom.	«Это у него не идёт вниз через горло/гортань».	В горло не лезет.
Ide to s nim dolu kopcom/vodou.	«Дела у него с горки / с водой вниз».	(Дела) из рук вон плохо.

Даже из этой небольшой таблицы видно, что в большинстве русских эквивалентов либо присутствует горизонтальность (как оппозиция словацкой вертикальности), либо пространственный компонент не эксплицирован. Кроме того, вертикальные модели в словацкой ЯКМ часто связаны с деревьями – как в общем с деревом или лесом, так и с отдельными видами

деревьев (бук, дуб, тополь, ель, орех, груша), что позволяет говорить о наличии дендрологической метафоры.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие предварительные выводы:

1. При генетически обусловленной формальной аналогичности концептосфер русского и словацкого языков в их структуре наблюдаются отличия, обусловленные национально-культурной спецификой языковой картины мира (ЯКМ).

2. Данные отличия проявляются в возникновении национально-специфичных когнитивных доминант каждого из языков, ключевыми среди которых являются географически детерминированные доминанты, связанные с вертикальными пространственными моделями в словацкой ЯКМ и горизонтальными – в русской ЯКМ.

3. Когнитивные доминанты ЯКМ наиболее ярко проявляются во фразеологии (паремиологии) как зеркале национальной ментальности.

4. В словацкой ЯКМ вертикальные модели пространственного восприятия часто основаны на дендрологической метафоре.

Литература:

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. Эллис. Москва 2008.

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., КОРИНА Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Filozofická fakulta UKF. Nitra 2011.

БЕРДЯЕВ, Н. А.: *Русская идея*. Москва 1990. Доступно на: www.koob.ru.

БУЯНОВА, Л. Ю.: *Концепт «Душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации* // Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 1. Идиоматика и познание. Изд-во БелГУ. Белгород 2008. С. 76–79.

ГАЛЛО, Я., СИПКО, Й.: *Картина России в словацких медиа-текстах: правда или вымысел?* // *Rossica Olomucensia XLVIII: sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů 2.–4. 9. 2009*. Univerzita Palackého. Olomouc 2009. S. 73–77.

ГУМИЛЁВ, Л. Н.: *Этногенез и биосфера земли*. Ленинград 1990.

ЗИМИН, В. И.: *Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь* / В. И. Зимин, А. С. Спирин. Изд. 3-е, стереотипное. Феникс–Цитадель-трейд. Ростов н/Д–Москва 2006.

- КИСЕЛЁВА, Н. Б.: *Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма* // Dialog kultur V. Sborník materiálů z mezinárodní vědecké konference, která se konala ve dnech 20.–21. 1. 2009 na katedře slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové. O. Richterek, M. Půža (eds.). Oftis. Ústí na Orlicích 2009. S. 112–125.
- КИСЕЛЁВА, Н. Б.: *К проблематике сопоставительного анализа этнокультурных концептов во фразеологии западных и восточных славян* // Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Изд-во БелГУ. Белгород 2008. С. 305–308.
- КЛЮЧОВСКИЙ, В. О.: *Полное собрание сочинений в 8 тт.* Т. 1. Классика. Москва 2001.
- ЛАКОФФ, ДЖ., ДЖОНСОН, М.: *Метафоры, которыми мы живём.* Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. Изд-во ЛКИ. Москва 2008.
- СЕМЁНОВА, Н. В.: *Щедрость широкой русской души* // Acta Nitriensiae 11. Zborník Filozofickej fakulty UKF v Nitre. Zodp. red. E. Fandelová. FF UKF. Nitra 2009. S. 233–249.
- СМК – ЗИНЧЕНКО В. Г., ЗУСМАН В. Г., КИРНОЗЕ З. И., РЯБОВ Г. П.: *Словарь по межкультурной коммуникации.* Понятия и персоналии. Фланта–Наука. Москва 2010.
- ШМЕЛЁВ, А. Д.: *«Широта русской души»* // Арутюнова Н. Д., Левонтина Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка: Языки пространств. Языки русской культуры. Москва 2005.
- ШТЫРОВА, А. Н.: *Человек и его философско-эстетическая концепция в современной русской литературе.* Часть 2. Научная книга. Тверь 2012.
- НАВОВŠТИАКOVÁ, К., KROŠLÁKOVÁ, Е.: *Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii.* Veda. Bratislava 1996.
- OLCHOWA, G.: *Autostereotypy w przysłowiach polskich i słowackich.* In: Parémie národů slovanských IV. Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20.–21. 11. 2008. Universitas Ostraviensis. Ostrava 2008. S. 157–164.